

- Grün J. Zeitrichtung: Ein philosophischer Grenzgang. Frankfurt am Main: Haag + Herchen, 1993.
- Hamelin O. Essai sur les éléments principaux de la représentation. Paris: Alcan, 1907.
- Hawking S.W. Stručná historie času. Praha: Mladá fronta, 1991.
- Heidegger M. Bytí a čas. Praha: Oikúmené, 1996.
- Husserl E. Přednášky k fenomenologii vnitřního časového vědomí. Praha: Ježek, 1995.
- Kant I. Kritika čistého rozumu. Praha: Oikúmené, 2001.
- Leach E.R. Rethinking Anthropology. New York: The Athlone Press, 1968.
- Lévi-Strauss C. Myšlení přírodních národů. Praha: Československý spisovatel, 1971.
- Lukes S. Emile Durkheim: His Life and Work. Stanford, California: Stanford University Press, 1985.
- Reichenbach H. The Direction of Time. Berkeley, Oxford: University of California Press, 1991.
- Sorokin P.A. Sociocultural Causality, Space, Time: A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science. New York: Russell-Russell INC, 1964.
- Störig H.J. Malé dějiny filozofie. Praha: Zvon, 1991.
- Šubrt J. Čas a společnost: K otázce temporalizované sociologie. Praha: ISV nakladatelství, 2003.
- Šubrt J. The Society of Individuals: How to Solve the Dilemma of Individualism and Holism in Historical Sociology // Historická sociologie: Časopis pro historické sociální vědy. 2015. № 1. P. 9–23.
- Šrubař I. Geschichtlichkeit und Geschichte in der Phänomenologischen Theorie // Sborník k 65. narozeninám doc. PhDr. Eduarda Urbánka, CSc. Praha: Katedra sociologie FF UK. P. S. 36–48. 1986.
- Uhlíř A. Sociální filosofie. Praha: O. Janáček, 1913.

© 2016 г.

К.Е. ТРОИЦКИЙ

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ М. ВЕБЕРА

ТРОИЦКИЙ Константин Евгеньевич – младший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, Москва (Konstant@inbox.ru).

Аннотация. Рассматриваются особенности понимания М. Вебером места национальной идеи в государственной политике. В его трудах идея нации рассматривается как основа внутривнутриполитического согласия и находит выражение в стремлении выразить себя в национальном государстве, отделить себя институционально от других наций. Вопрос о том, одобрил ли бы сам Макс Вебер надвигавшийся национал-социализм или нет, оставлен за рамками статьи. Однако против такого предположения говорит его решительное дистанцирование от социал-дарвинизма, антисемитизма и национал-шовинизма.

Ключевые слова: Макс Вебер • конфликт ценностей • национализм • национальное государство • нация

Постановка вопроса. Помимо того, что представляет собой нация согласно взглядам Макса Вебера, важное место занимает здесь и вопрос о том, насколько и в каком смысле его самого уместно называть националистом. Мое утверждение о приоритете национальных интересов Германии в ценностной шкале Вебера может вызвать у читателя удивление. На первый взгляд, Вебер придерживался либеральной традиции, в научной методологии оставался “номиналистом” (в центре его социологических исследований находилась не нация и даже не общество, а индивидуальный смысловой акт и “субъективно полагаемый смысл” социальных действий), в социологии призывал воздерживаться от оценочных суждений, а в политических выступле-

ниях оставался защитником личной свободы и свободы выбора. На этом фоне могут смутить его слова о национальном государстве как “масштабе ценностей”, о готовности продать душу дьяволу за Германию, а также отрицание им вины Германии в активном развязывании Первой мировой войны. Ряд высказываний Вебера, безусловно, можно истолковать в духе крайне правых настроений, но однозначному причислению его к этому лагерю мешает его резкое неприятие агрессивного антисемитизма, критика аннексии Бельгии, самоустранение от подписания милитаристских воззваний и тот факт, что в последние годы жизни он был окружен многими радикально левыми. Наследие Вебера, его взгляды на нацию и национализм стали поводом для дебатов по вопросам: был ли знаменитый ученый националистом? Можно ли его причислить к предшественникам национал-социализма? Или же он был заочным противником любых диктаторских режимов? Какую роль оказал его выбор в качестве высшей ценности нации на его научные идеи? Данная статья не ставит целью ответить сколько-либо исчерпывающе на все эти вопросы; ее цель – наметить линии научной дискуссии, которая с ростом популярности идей Вебера в России и развитием социологии представляется автору крайне важной.

Вопрос о влиянии националистических настроений на научное творчество Вебера не рассматривался в российских исследованиях. Кроме отдельных высказываний, характеризующих представления Вебера о нации в его научном наследии и политических выступлениях, мною не было выявлено ни одной отечественной работы, посвященной Веберу. Не предпринято каких-либо попыток обобщить и передать то, что представлено об этом в зарубежной литературе. Среди зарубежных исследователей, занимавшихся разработкой данной темы, выделяется Вольфганг Моммзен. Этот историк на протяжении многих лет изучал политические идеи Вебера и провел классическое исследование по этому предмету [Mommesen, 2004]. Следует отметить и его коллегу по изданию полного собрания сочинений Вебера – Вольфганга Шлюхтера [Schluchter, 2009], а также таких авторов, как Р. Арон [Aron, 1964], К. Палонен [Palonen, 2001], С. Пфафф [Pfaff, 2002], Ц. Норкус [Norkus, 2004], Д.П. Мэйер [Mayer, 1944], С. Бройер [Breuer, 2005].

В развернувшейся при активном участии этих (и не только) ученых дискуссии о представлениях Вебера о национальном государстве и об идее нации, а также о присутствии национализма в научном творчестве Вебера можно условно выделить две главные подтемы. Первая касается аспекта личной позиции и ценностной ориентации самого Вебера. Центральные вопросы здесь: был ли он националистом и если да, то в каком смысле и в какой мере? Какую роль играла идея нации в его мировоззрении? Можно ли идейно связать его взгляды с зарождающимся в то время национал-социалистическим движением? Во второй подтеме в первую очередь раскрываются, интерпретируются, выявляются особенности, а также научная ценность подходов Вебера к изучению таких понятий и идей, как нация, национальное государство, харизматический тип господства и т.д. Вычленение двух подтем обуславливается позицией самого Вебера, которая предполагает разграничение между кафедрой и трибуной, наукой и политикой, личными ценностными убеждениями и научным знанием. Обе эти подтемы, при всем отличии акцентов, а также различий, которые проводил Вебер, безусловно, не разделены абсолютно¹, а в некотором отношении и тесно связаны, поэтому разработка одной неизбежно связана с освещением другой. Ниже будет сделан акцент именно на первой подтеме при неизбежном представлении второй.

¹ Палонен даже утверждает, что “из моей концептуальной перспективы классификация трудов Вебера как “академических” и “полемиических” не имеет смысла” [Palonen, 2001: 197], но это крайняя позиция.

При попытках отнесения Вебера к либералам, националистам, национал-либералам и т.д. часто упускают из виду специфику этих обозначений применительно к политической действительности конца XIX и начала XX в., что относится как к идеям национализма и либерализма в целом, так и к веберовской позиции в частности. Не стоит подробно останавливаться на общеизвестном факте, что смысл слова “национализм” претерпел серьезное изменение после событий Второй мировой войны, когда он начал относиться преимущественно к этническому национализму и к проявлениям ксенофобии. Причем такое отождествление часто проводят те, кто при озвучивании своих политических убеждений регулярно оперирует геополитическими категориями и идеей национальных интересов. Нет сомнения, национальная идея играла важнейшую роль во всем мировоззрении Вебера, служила центром, в котором преломлялись его политические убеждения, а также влияла на его научные интересы. Нация, по его представлениям, выступает ценностным ядром, вокруг которого конструируется смысл, служащий основой для построения определенного типа культуры, общества и государства. Она связывает, помимо бюрократических, формальных и безличностных процедур, человека с государством. Наряду с этим, и это самое главное, высшая ценность немецкой нации, ее интересов – это элемент *убеждения* в аксиологической и этической позиции Вебера. Это то, что придает его персональной деятельности смысл, является ценностным центром его мировоззрения.

Высшее место нации и главенство ее интересов в ценностной иерархии немецкого ученого подтверждается многими исследователями. Так, В. Моммзен пишет о Вебере, что “над всеми этими ценностными идеалами он последовательно располагал понятие нации как высшую, действующую ценность” [Mommesen, 2004: 40]. Это же отмечает Р. Арон, когда подчеркивает: “Макс Вебер выбрал национальное государство как свою высшую ценность, что было свободным актом его воли” [Aron, 1964: 114]. С. Пфафф в свою очередь утверждает: “Национализм Вебера никогда не был только средством конструирования условий для демократии, но скорее трансцендентальным этическим убеждением, которому следовало служить прежде других, более остальных земных целей” [Pfaff, 2002: 96]. Автор крупнейшей биографии Вебера, историк И. Радкау также убежден, что “нация является для Вебера носителем чести и вместе с тем одной из высших человеческих ценностей” [Radkau, 2005: 531]. Марианна Вебер глубже раскрывает саму суть убеждений мужа, когда пишет: “Страстное стремление к сильному национальному государству проистекает из врожденного, не подверженного рефлексии инстинкта – могущественная нация – это расширенное тело предрасположенного к могуществу человека: ее утверждение – самоутверждение” [Марианна Вебер, 2007: 114–115], тогда как формы воплощения власти (демократия, монархия, республика) для него “лишь рамки для жизни *нации* – надо обладать свободой их менять, если следствием их структуры становится то, что большие части нации теряют свое чувство принадлежности ей” [Марианна Вебер, 2007: 483]. Итак, нация, воплощенная в национальном государстве – это высшая личная ценность Вебера.

Ценностное значение нации и национального государства. Манифестом взглядов Вебера относительно темы нации и национального государства стала его инаугурационная речь при занятии кафедры в университете Фрайбурга в 1895 г. Это выступление символизировало “открытие дверей” не только в “большую науку”, но отчасти и в политику, так как со времени так называемой “Геттингенской семерки”, когда семь профессоров стали символами сопротивления политическому произволу и диктату, звание ученого в Германии не просто позволяло делиться своими мнениями относительно происходящих политических событий, но, по утверждению С. Тернера и Р. Фактора “От профессуры ожидалось осуществление политического лидерства” [Turner..., 2006: 28]. Не случайно та инаугурационная речь не только по-

литически ориентирована, но еще и изобилует личными оценками, которые потребовали от автора сделать следующую оговорку при ее публикации: «Речь по случаю вступления в должность как раз предоставляет удобный случай для публичного изложения и оправдания личной, а стало быть, «субъективной» точки зрения при *оценивании* народнохозяйственных явлений» [Вебер, 2003: 7]. В выступлении Вебер открыто провозглашает национальное государство ценностным масштабом, он утверждает: «*Национальное государство* для нас не есть неопределенное нечто, о котором мы думаем, что чем гуще мы окутываем его сущность мистическим мраком, тем больше мы его возвышаем, а светская властная организация нации; и в таком национальном государстве для нас заключается конечное ценностное мерило народнохозяйственного рассмотрения *«государственных интересов» (Staatsraison)*» [Вебер, 2003: 25]. Это понимание национального государства как критерия политической оценки, и нации, которая является ядром этого государства, как высшей ценности останется с ним на всю жизнь, несмотря на то, что теоретическое осмысление со временем менялось.

Впрочем, интерес к этой теме, а также понимание нации как культурного центра, вокруг которого образуется ценностное поле истории, социальной структуры государства возник у Вебера даже раньше инаугурационной речи 1895 г. Одно из первых эссе, которое будущий ученый написал в возрасте 15–16 лет, называлось: «Соображения о народном характере, народном развитии и народной истории индогерманских наций» (*Betrachtungen über Völkercharakter, Völkerentwicklung und Völkergeschichte bei den indo-germanischen Nationen*). Мейер видит уже в нем вектор главных интересов Вебера в будущем [Mayer, 1944: 17]. Заметьте, речь здесь именно об «индогерманских нациях»², как *истоках и основаниях* немецкой истории. Важным событием, которое также предшествовало инаугурационной речи, было вступление в 1893 г. Вебера в «Общенемецкий союз»³, правую политическую организацию, одну из предтеч будущего национал-социализма, которая существовала до 1939 г., когда она была поглощена НСДАП. Перед членами «Общенемецкого союза» Вебер прочел целый ряд докладов, в первую очередь по занимавшему его тогда польскому вопросу [Mommsen, 2004: 58]. Впрочем, уже в 1899 г., то есть еще до радикализации и разрастания антисемитской риторики в этом союзе, Вебер покидает его, что представляет собой не менее знаменательный факт, чем его вступление в эту организацию. Моммсен отмечает, что Вебер пошел на этот шаг из-за проявления там все более консервативных черт, а также из-за несогласия с его лидерами по ряду политических вопросов. Важное пояснение дает и сам Вебер, когда в 1908 г. в письме к Луи Брентано дистанцируется от «буйных антисемитов» среди членов «Общенемецкого союза» [Mommsen, 2004: 59]. Но тот уход не означал ни полного устранения в его воззрениях на текущую политику элемента имперских взглядов, ни отказа от его убеждения в высшей ценности немецкой нации. Эти убеждения он пронесет через всю жизнь. Так, во время Первой мировой войны он говорил: «Политику я всегда рассматривал только с национальной точ-

² В русском издании биографии, составленной Марианной Вебер, это название статьи переведено на русский язык как «Соображения о характере, развитии и истории индогерманских народов», что, конечно, неточно. Марианна Вебер дает пересказ сочинения своего будущего мужа, из которого становится понятно, что там важное место занимают именно национальные и даже расовые вопросы. Например, она пишет: «Причиной тысячелетней борьбы между Востоком и Западом представляется ему то, что два главных ответвления кавказской расы, семиты и индогерманцы, разделены непреодолимой неприязнью; эта необъяснимая неприязнь определяет, по его мнению, историю древности и доходит до позднего средневековья. И ему все время кажется, что смещение обоих элементов ведет к «семитизации», то есть к подавлению арийской культуры...» [Марианна Вебер, 2004: 46].

³ На тот момент и до 1894 он назывался Всеобщий немецкий союз (Allgemeine Deutsche Verband).

ки зрения, не только внешнюю, но всякую политику вообще” [Марианна Вебер, 2007: 476]. И совсем незадолго до своей смерти, во время критических для Германии дней революции 1919 г. напишет: “Ибо я верю в несокрушимость этой Германии, и никогда я не ощущал с такой силой как дар неба, что я немец, как в эти мрачные дни ее позора” [Марианна Вебер, 2004: 523].

Научное понятие нации. В инаугурационной речи Вебера еще звучат расовые, биологические коннотации в понимании сущности нации. Но Вебер быстро отходит от них, что выразилось уже в его статьях о России, над которыми немецкий ученый работал в 1905–1906 гг. Ряд исследователей отмечает эту эволюцию взглядов Вебера, во время которой антропологические характеристики отходят на второй план по сравнению с культурными, а скорее даже просто подчиняются условию необходимости осознания своей принадлежности к той или иной нации и участию в ее истории. Так, Моммзен пишет, что со временем “субъективное убеждение в этнической, языковой, конфессиональной или культурной однородности приобретает вторичное значение. Решающим для развития национального самосознания становится осознанное участие в политическое судьбе собственного государства” [там же: 55]. Палонен даже считает, что в течение жизни Вебер почти изжил свои сперва ярко выраженные националистические симпатии [Palonen, 2001], а Норкус подчеркивает трансформацию от “политико-экономического” подхода в понимании нации к “политико-социологическому”, где первый рассматривал нацию как «организационную форму экономической ассоциации, которая наиболее оптимальна в борьбе за жизненное пространство (elbowroom) в глобальном “мальтузианском мире”» [Norkus, 2004: 389], а второй исходит из представления нации как “статусной группы, объединенной общей исторической памятью и борющейся за престиж власти и культуры с другими нациями” [Norkus, 2004: 389]. Движение от природной и стихийной данности к культурному и осознанному принятию национальной идентичности, вероятно, является наиболее важной характеристикой эволюции взглядов Вебера.

Что касается текстов самого немецкого ученого, то в “Хозяйстве и обществе” он осознанно и целенаправленно отвергает возможность дать однозначное эмпирическое определение нации⁴, а в центре располагает некое “общее чувство”. Вебер пишет: «Отмеченные с помощью собирательного имени “национальный” чувства общности (Gemeinsamkeitsgefühle) не являются чем-то однозначным, они могут подпитываться из разных источников: тут может играть роль различия социальной и экономической организации, а также внутренней структуры господства с ее влияниями на “нравы”» [Weber, 1922: 226], и далее перечисляет: “Как источники (национального. – К.Т.) могут действовать общие политические воспоминания, вероисповедание и, наконец, общность языка, а также, конечно, расово обусловленная манера поведения (Habitus)” [Weber, 1922: 226], но это не главное, так как «“национальная” принадлежность может и не покоиться на реальной общности крови, что очевидно, так как везде особо радикальные “националисты” являются чуждого происхождения» [Weber, 1922: 628]. С помощью одной этой фразы Вебер дает понять недостаточность факторов истории, крови, единства веры и родного языка.

Давая положительное определение нации, при этом всегда подчеркивая неполноту и ограниченность этой попытки, Вебер отмечает, что нация основывается на глубоком чувстве общности, которое “принадлежит к ценностной сфере” [Weber, 1922: 627]. В другом месте ученый пишет: “Понятие нации позволяет себя определить только следующим образом: ей является основанная на чувствах общность (Gemeinschaft),

⁴ Ученый писал: «“Нация” есть понятие, которое, если вообще однозначно, то в любом случае не может быть определено через эмпирические общие качества, как ей причитающиеся» [Weber, 1922: 627].

адекватным выражением которой может быть независимое государство. Обычно эта общность и имеет тенденцию производить из себя государство” [Weber, 1988: 484] и в еще одной работе, почти теми же словами: “Понятие нации возможно разве что дать следующим образом: она есть эмоциональная (*gefühlmässige*) общность, адекватным выражением которой было бы свое собственное государство, и которое, как правило, имеет тенденцию его из себя образовывать (*hervortreiben*)” [Weber, 1924: 486]. В этих “рабочих определениях” выделяются две характеристики нации: 1. Она замыкается на чувстве общности, а также подчеркивается ее принадлежность к “ценностной сфере”, что тем самым выводит суть нации за границы науки, а одновременно и за рамки социологии; 2. В своем внешнем, поддающемся научному исследованию, выражении идея нации предполагает стремление стать государством, то есть *отграничить* себя институционально от других наций. Таким образом, нация в социологии Вебера выступает в тесной связи с государством. И здесь необходимо остановиться на этом очень важном моменте, ведь и “масштабом ценностей” являлось именно национальное государство. Как известно, государство в идейном наследии Вебера определяется через монополию средств насилия (хотя и не сводится к этому). Только принимая это во внимание, становится понятным особое значение в его научных и политических взглядах связи между нацией, национальным государством и идеей могущественного, а точнее “властного” государства или “*Machtstaat*”⁵, которое и является основным “актером” международной политики. И судьба Германии – это судьба национального государства именно как одного из “*Machtstaat*”. Как результат: нация оказывается тесно соединенной с властью и насилием. Раскрытие этой темы способно сделать более ясным место нации в общей мировоззренческой и ценностной картине Вебера.

Национальное государство как основа внутривластного согласия. Следует кратко отметить роль нации во внутренних делах государства. Как будет продемонстрировано ниже, “во вне”, в международных отношениях, нация проявляет себя в национальном государстве в первую очередь, согласно Веберу, через борьбу, конкуренцию и конфликт. Не так обстоят дела внутри национального государства. Здесь нация призвана служить основой для согласия и примирения классовых и сословной борьбы. На национальной почве могли *объединиться* все классы и сословия, что преодолело бы слабости теории социализма, а также окончательно проститься с феодалным наследием в виде сословной структуры общества. Как пишет Норкус: «Вебер относит рост наций и национализма не к индустриализации, но к образованию мирового рынка и глобализации борьбы за “жизненное пространство” (*elbow room*). Согласно раннему Веберу, нация наиболее эффективная форма политической и культурной консолидации для “совместной экономической поддержки” участия в этой борьбе» [Norkus, 2004: 411]. Помимо этого нация становится у ученого выражением единства, символом сопротивления против незнающей государственных границ бюрократии, против космополитических идеалов капитализма, то есть превалирования эффективности и калькулируемости над ценностным содержанием. Как верил Вебер, национальный лидер способен стать тем, кто противопоставит омертвлению в политике, кто внесет элемент харизмы, энергии и индивидуальности в безличную парламентскую машину, кто “должен быть вождем, мало того, он еще должен быть – в самом простом смысле слова – героем” [Вебер, 1990: 706]. То есть нация, как основа внутривластного согласия, вовсе не означает элиминацию борьбы даже из области внутренней политики. Но эта борьба носит преимущественно конституционный, сози-

⁵ Не всякие государства являются “*Machtstaat*”, а только такие, которые распределяют между собой “бремя” мирового господства. Вебер причислял к ним, например, США, Францию, Германию, Российскую империю и Великобританию.

дательный, *ненасильственный* характер. Это борьба партий, программ, политических фигур. А самое главное, что это борьба, которая имеет над собой *единую высшую* ценность – интересы национального государства. Не так обстоит дело в отношении столкновений между национальными государствами.

Нация и государство: ценность и насилие. То, что служит внутри основой согласия, вовне обращается мобилизацией сил для борьбы⁶. При этом обе эти стороны неотделимы друг от друга. В той же инаугурационной речи Вебер говорит о нации в связи с переломными событиями истории и особенно войнами. Для него национальная идея – это то, что способно придать смысл действию в кризисные моменты личной жизни и общественной истории. Вебер говорил: “В великие же моменты, например, в случаях войн, значение национальной мощи проникает и к ним в душу – и тогда оказывается, что национальное государство зиждется на самобытных психологических основах даже в широчайших экономически поработанных слоях нации” [Вебер, 2003: 31]. Мысль об эффекте войны, при переживании которой открываются высшие надличностные ценности, Вебер пронес через всю свою жизнь. В одной из своих поздних работ он писал: “Война создает нечто неповторимое по своей конкретной значимости: ощущение человеком смысла смерти и готовности к ней, свойственной только ему” [Вебер, 1990: 319], и “отношение к смерти как полному смысла священному действию лежит, собственно говоря, в основе всех попыток обосновать значение политических союзов, основанных на насилии” [Вебер, 1990: 320]. Конечно, это касается и такого политического союза как “национальное государство”.

Идея конфликта кристаллизуется у Вебера в представлении мира как арены “вечной борьбы”, что было напрямую связано с пониманием внешней политики как скрытой, а порой и открытой войны между могущественными национальными государствами (*Machtstaaten*). Идея “вечной борьбы” находит свое яркое выражение все в той же инаугурационной речи 1895 г., когда Вебер заявил: “Не мир и человеческое счастье мы обязаны передать нашим потомкам в путь, а *вечную борьбу* за сохранение и возвращение нашей национальной породы” [Вебер, 2003: 24]. Здесь же отчетливо выступает связь “вечной борьбы” с идеей нацией. У позднего Вебера “вечная борьба” становится “борьбой богов” и тесно переплетается с постулированием “политеизма ценностей”. Последняя идея выходит на уровень мировоззренческий, вплоть до того, что ученый называет ее “единственной приемлемой здесь метафизикой”. Так, ученый в “Науке как призвании и профессии” утверждал: «Любое эмпирическое исследование положения в этой области неизбежно приведет, как заметил уже старик Милль, к признанию, что единственная приемлемая здесь метафизика – абсолютный политеизм. Если же такое исследование носит не эмпирический, а интерпретирующий характер, то есть относится к подлинной философии ценностей, то оно не может не прийти к выводу, что даже наилучшая понятийная схема “ценностей” не отражает именно решающих фактических моментов. Столкновение ценностей везде и всюду ведет не к альтернативам, а к безысходной смертельной борьбе, такой, как борьба “Бога” и “дьявола”» [Вебер, 1990: 562].

Итак, речь идет о борьбе как при рассуждении о науке, так и о политике. Налицо связь, которая существует между идеями конфликта, борьбы и “политеизма ценностей”, *пронизывающими* мировоззрение Вебера. Но кто сыграл при становлении этой картины мира определяющую роль: “Вебер ученый” или “Вебер политик”? А также: какая связь между идеей “политеизма ценностей”, национальным государством и “*Machtstaat*”? Здесь будем полезным остановиться на появлении

---

⁶ Большое значение конфликта и войн в деле сплочения и даже кристаллизации национального стало общим моментом в современном исследовании наций и национализма. Об этом писал ряд авторов, см., например: Б. Андерсон [Андерсон, 2001], К. Калхун [Калхун, 2006], Г.-У. Велер [Wehler, 2001].

утверждения “политеизма ценностей”. По всей видимости, впервые эта идея встречается в работе, написанной именно при осмыслении политических событий. Речь идет о комментарии, который был отправлен в журнал “Женщина” от 1916 г. и сделан в ответ на дискуссию, состоявшуюся на его страницах между Гертруд Боймер и швейцарской пацифисткой Гезин Нордбек. Обсуждение носило название “Между двумя законами” и велось вокруг темы о границах божественного и светского должностования в перспективе Первой мировой войны. Комментарий Вебера впервые и почти дословно озвучивает мысли, ставшие знаменитыми из более поздних работ⁷. Ученый пишет: «Старый, но здравомыслящий эмпирик Джон Стюарт Милль сказал, что с чистой почвы опыта невозможно попасть к *единому* Богу, – мне представляется: не к единому благому Богу, – но к политеизму. На самом деле: кто находится в “мире” (в христианском смысле), тот не может испытывать ничего иного, кроме как борьбу между большим количеством ценностных рядов, каждый из которых рассматривает себя как обязательный. Он должен *выбрать*, какому из этих богов он будет и обязан служить, а также, когда и как надо служить тому или другому. Однако он всегда будет находиться в состоянии борьбы в отношении одного или нескольких богов этого мира и в первую очередь будет обнаруживать себя находящимся все дальше от Бога христианства, особенно от того, который был провозглашен в Нагорной проповеди» [Weber, 1984: 98]. Эти строки не являются просто отвлеченным выражением понимаемого Вебером устройства мироздания, а тесно переплетены с национальной тематикой и озвученными выше идеями о “Machtstaat”. Цитированные слова непосредственно следуют за отрывком, где говорится об особой судьбе, “предписывающей исторический долг некоторым народам” [Weber, 1984: 98], а дальше об отличии требования этой судьбы для немцев из Германии (представителей “Machtstaat”) и немцев из Швейцарии [Weber, 1984: 98]. Здесь этнический аспект нации окончательно отходит на второй план, а нация все более связывается с “судьбой” государства. Утверждение идеи “политеизма ценностей” в качестве “единственной приемлемой здесь метафизики” и происхождение этой идеи из рассмотрения судьбы немецкой нации демонстрируют, что осмысление отношения немецкой нации и могущественного государства (Machtstaat), положение этого государства в мире, его столкновение с другими национальными государствами, а также борьба между самими национально-политическими и космополитическо-религиозными представлениями и определяют в значительной мере ценностную, философскую, и, вероятно, научную картину мира Вебера.

Итак, по мысли немецкого ученого, между национальными государствами никакой высшей ценности не существует. Согласие и преимущественно ненасильственная внутрисполитическая борьба сменяется картиной вечного конфликта на международном уровне, который периодически находит выражение в неприкрытом насилии войн. Взятая на уровне попытки понимания текущих политических событий, констатация борьбы приобретает аксиологические, мировоззренческие, экзистенциальные черты, то есть из области истории перемещается в область философии. Со слов Моммзена: “Макс Вебер утверждал борьбу как основную категорию человеческого существования (Dasein) в целом” [Mommssen, 2004: 50], И. Радкау пишет даже о “борьбе как религии Вебера” [Radkau, 2005: 222], о его “Евангелии борьбы” [Radkau, 2005: 224], о “желании борьбы” (Kampfeslust) [Radkau, 2005: 614], о его “чувстве борьбы” [Radkau, 2005: 614]. Но, несмотря на всю метафоричность и отвлеченность идей “вечной борьбы” и “политеизма ценностей”, они остаются тесно связанными с областью политики, что и

⁷ Имеются в виду “Смысл свободы от оценки в социологической и экономической науке”, “Политика как призвание и профессия” и цитированное место из “Науки как призвание и профессия”.

выразилось в известных строках: «Как представляют себе возможность “научного” выбора между ценностью французской и немецкой культур – этого я не знаю. Тут же спор разных богов и демонов...» [Вебер, 1990: 726].

Национализм Макса Вебера как утопия для будущих поколений. Нельзя сказать, что во времена Вебера не было никаких альтернатив идеологии сосредоточения смысла личной политической деятельности и народной культуры вокруг нации, а также картине вечного столкновения национальных государств. Как раз наоборот. И речь не только об упоминавшемся уже социализме. Одной из целей неоднократно упомянутой инаугурационной речи была критика международных пацифистских организаций. Так, после нее Вебер хвастался своему брату, что он «дал “Этической культуре” крепкий пинок» [цит. по: Bruun, 2007: 16]. Под “Этической культурой” ученый подразумевал пацифистскую организацию, которая была основана в Нью-Йорке в 1877 Ф. Адлером, а к 1895 году создавшую ряд зарубежных филиалов, в том числе и в Германии. Первая мировая война лишь породила новые движения за мир. В это время часть мыслящего человечества приходит к выводу, что национальные границы не могут быть полностью автономными, что национальная идея должна подчиняться и учитывать идеалы наднациональные, общечеловеческие. Все больше разговоров о международных структурах, которые воплотились еще при жизни Вебера в учреждении “Лиги наций”. Набирает силу позабытая идея космополитизма⁸. Итак, не из-за отсутствия альтернатив, а в борьбе с ними формировалась его иерархия ценностей. Для Вебера национальное государство являлось единственным реальным и действенным средством против бюрократизации и отчуждающей механизации, где оставалось место для чувства общности и непосредственного чувства смысла. Пацифизм являлся для него опасной политической иллюзией, а космополитизм – соблазном преобладания экономического, а следовательно, обезличивающего принципа.

Идеи национального государства и харизматического вождя не стала панацеей от бед специализации, бюрократизации и обезличивания. Но помимо прочего они несли попытку легитимизации элемента насилия, сделав его важным и осознанным моментом национальной политики. Через 13 лет после смерти Вебера к власти в Германии приходят национал-социалисты, которые сумели сделать, что казалось еще недавно для немецкого социолога невозможным, а именно объединить харизму вождя с предельным растворением отдельных личностей в толпе, сделать национальную идею высшей, но при этом развернуть геноцид целых народов. Различные утверждения идеи культа борьбы, а также взгляд на мир как на арену “вечной борьбы” в фашиствующих организациях дали обоснованное основание Умберто Эко выделить в эссе “Вечный фашизм” утверждение подобного взгляда на жизнь как девятую характеристику “ур-фашизма” [Эко, 2012].

Конечно, в целом взгляды Вебера были далеки от ориентиров надвигавшейся на Германию и на весь мир разрушительной идеологии. В то время как многие его соотечественники скатывались все более и более к различным ксенофобиям, агрессивному империализму, он сам все более отходил от этого. Нельзя не отметить его раннее и решительное дистанцирование от социал-дарвинизма и шовинизма. Все это позволяет с высокой степенью вероятности сказать, что ученый не принял бы надвигающуюся бесчеловечную идеологию. Но сами идеалы Вебера до сих пор неизбежно вызывают споры. Есть основания констатировать их изначальную антиномичность. В мысли ученого можно обнаружить благородное стремление к развитию в современном мире высококультурной личности и распространению просвещения, неприятие воинству-

⁸ Последняя, наряду с пацифистскими идеями, также встречает нападки со стороны Вебера [Mommson, 2004: 57–58].

ющего антисемитизма⁹ и подчеркивание персональной ответственности, но наряду с этим у него присутствует утверждение национального государства как высшего “масштаба ценностей”, диагноз “вечной борьбы” для народов, восприятие войны как своего рода “катарсиса”, где человек может найти смысл смерти, тогда как жизнь все реже наполняется смыслом. К взглядам Вебера можно применить идею того же конфликта ценностей, который обнаруживает себя уже не между разными взглядами, а внутри единого мировоззрения¹⁰. Внутренний конфликт мысли ученого имеет в основании не поверхностную противоречивость, а существенный, трагический разрыв, неизбежный и последовательный результат глубокого проникновения в понимание конфликтов его времени и крушения прежних ценностей. Все это порождает широкий диапазон оценок политической позиции Вебера в научной литературе. Отсюда те, кто отвергает причисление Вебера к националистам или относит это только к ранним годам жизни ученого [Palonen, 2001], а также те, кто, наоборот, утверждает это [Norkus, 2004; Aron, 1964]. Кто считает, что национализм и либерализм у Вебера находились в дополнении друг к другу и вовсе не предзнаменовали собой опасности ближайшего будущего [Schluchter, 2009], и те, кто подчеркивает столкновение нескольких ценностных устремлений в позиции ученого и потенциальную опасность ряда его идей [Mommson, 1981; Pfaff, 2002].

Провозгласив национальное государство “масштабом ценностей”, Вебер определил политическую задачу как воспитание сознательного национального чувства, которое руководится *личной* ответственностью перед грядущими немецкими поколениями, но и готово к насилию во имя своего *национального идеала*. А чем собственно это насилие может быть ограничено, если Вебер не вводит идеи высшего для всех национальных государств “масштаба ценностей”, например, прав человека? Ученый пытался выполнить утопичную задачу: с одной стороны, оставаться либералом и антитоталитарным мыслителем, а с другой, провозгласить и отстаивать безусловную высшую ценность надындивидуального образования. Но рано или поздно встает вопрос, “что” или “кто” является более высокой ценностью – нация, класс, каста или отдельный индивид, в лице которого отражается все человечество. Вебер провозглашал национальное государство “высшим масштабом ценностей”, но при этом подчеркивал центральное значение индивидуальности, взывал к созданию национальной партии, но так и ни примкнул окончательно к никакой группе. Противоречия Вебера – это противоречия XX в., а где-то и начала XXI. И вопрос не в том, что гуманное и ориентированное на мир (а не на “вечную борьбу”) общество невозможно с уважительным отношением к национальным особенностям и идентификацией себя с какой-то нацией. Проблема появляется, когда идея нации и/или национального государства однозначно объявляется высшей, подчиняет себе комплексную, но одновременно с этим единую идею человека, человечества и человечности, становится высшим критерием в политике. Там же, где присутствует подчинение/главенство, там скрывается и опасность отрицания, исключения. Вскрыть многозначность значений этих слоев, связей, оттенков и помогает наследие Вебера, сильно связанное с трагической картиной мира XX в., которую необходимо осмыслить и во избежание опасности повторения мировых катастроф преодолеть.

⁹ Отношение к евреям также может быть обозначено как антиномичное. При неприятии дискриминации Вебер скептически рассматривал возможность создания отдельного еврейского государства, а также выступал за ассимиляцию евреев немецкой нацией. Двойственность воззрений немецкого ученого в этой области нашло свое выражение в следующих словах Г. Рота: позиция Вебера находится «под подозрением “филосемитского антисемитизма”» [Roth, 2001: 471], важное исследование на эту тему оставил также Г. Абрахам [Abraham, 1988].

¹⁰ Моммсен констатирует антиномичность в структуре мысли и ценностных идеалов Вебера [Mommson, 1981], Пфафф также говорит об антиномичности взглядов Вебера и характеризует их сознательным парадоксальным словосочетанием “либеральный авторитаризм” [Pfaff, 2002: 82].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М.* Политические работы (1895–1919). М.: Праксис, 2003.
- Вебер Марианна.* Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- Калхун К.* Национализм. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2006.
- Эко У.* Пять эссе на темы этики. Санкт-Петербург: Астрель, 2012.
- Abraham G.* Max Weber on “Jewish Rationalism” and the Jewish Question // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 1988. № 3(1). P. 358–391.
- Aron R.* Max Weber und die Machtpolitik // *Max Weber und die Soziologie heute: Verhandlungen des 15. Deutschen Soziologentages in Heidelberg 1964 / Herausgeben von Otto Stammer*. Tübingen: Mohr Siebeck, 1964.
- Breuer S.* Max Webers Parteisoziologie und das Problem des Faschismus // *Das Weber-Paradigma/ Herausgeben von G. Albert, A. Bienfait, S. Sigmund, C. Wendt*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005.
- Bruun H.H.* Science, Values and Politics in Max Weber’s Methodology. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2007.
- Mayer J.P.* Max Weber and German Politics: A Study in Political Sociology. London: Faber and Faber Limited, 1944.
- Mommsen W.J.* Die antinomische Struktur des politischen Denkens Max Webers // *Historische Zeitschrift*. 1981. № 233(1). S. 35–64.
- Mommsen W.J.* Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. Tübingen: Mohr Siebeck, 2004.
- Norkus Z.* Max Weber on Nations and Nationalism: Political Economy before Political Sociology // *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie*. 2004. № 29(3). P. 389–418.
- Palonen K.* Was Max Weber a “Nationalist”? A Study in the Rhetoric of Conceptual Change // *MWS*. 2001. № 1(2). S. 196–214.
- Pfaff S.* Nationalism, Charisma, and Plebiscitary Leadership: The Problem of Democratization in Max Weber’s Political Sociology // *Sociological Inquiry*. 2002. № 72(1). P. 81–107.
- Radkau J.* Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München: Carl Hanser Verlag, 2005.
- Roth G.* Max Webers deutsch-englische Familiengeschichte 1800–1950. Tübingen: Mohr Siebeck, 2001.
- Schluchter W.* Was heißt politische Führung? Max Weber über Politik als Beruf // *Zeitschrift für Politikberatung*. 2009. № 2. S. 230–250.
- Turner S.P., Factor R.A.* Max Weber and the Dispute Over Reason and Value. London and New York: Routledge, 2006.
- Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen: Mohr, 1924.
- Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Mohr, 1922.
- Weber M.* Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918 // *Max Weber-Gesamtausgabe*. Bd. 15 / Herausgeben von W.J. Mommsen in Zusammenarbeit mit G. Hübinger. Tübingen: Mohr, 1984.
- Wehler H.-U.* Nationalismus. Geschichte, Formen, Folgen. München: Verlag C.H. Beck, 2001.